



ЭХО СТАРОЙ
РОССИИ



ОЧАГ ДВОРЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Екатерина Потапова

Мураново — неповторимый образец среднепоместной дворянской усадьбы XIX века. Его как явление можно рассматривать в двух аспектах: описывать характерные и неповторимые особенности живой жизни усадьбы прошлого века и изучать его уже как усадебный музей, как некий социокультурный феномен, памятник музейного дела. Старинное имение расположено в 50 км от Москвы по Ярославской железной дороге. История этого места связана с историей четырех дворянских семейств: Энгельгардтов, Боратынских, Путьят и Тютчевых. Представители этих фамилий находились между собой в родственных отношениях; все они были причастны к литературе и шире — к русской культуре XIX века. Как и другие дворянские усадьбы, Мураново представляло собой своеобразный мир со своими традициями, семейными преданиями, драгоценными реликвиями и широким кругом друзей и знакомых. Бросим взгляд на столетний период истории этого дворянского гнезда.

Усадебный дом в Муранове был построен в 1842 году по чертежам и планам Е.А. Боратынского. В нем лишь краткое время жила семья поэта: Евгений Абрамович был женат на старшей дочери генерал-майора Л.Н. Энгельгардта (супруга последнего — Екатерина Петровна, урожденная Татищева — купила Мураново в 1816 году).

После смерти Е.А. Боратынского вдова уступила Мураново сестре Софье, которая вышла замуж за друга поэта, литератора Н.В. Путьяту. Путьятовский период в Муранове — это 50-е — 70-е годы XIX века.

Последними здесь жили Тютчевы: сын поэта И.Ф. Тютчев женился в 1869 году на дочери Путьят Ольге Николаевне. Она умерла в 1920 году, и тогда же в Муранове был открыт музей.

Повседневная жизнь усадьбы не отличалась особенной яркостью и разнообразием своих проявлений, какими-то знаменательными событиями, происходившими здесь. Но вся атмосфера существования в этом месте была проникнута неповторимым обаянием, теплом и уютот жизни семейственной. Это была жизнь духовно насыщенная, опирающаяся на старинные традиции дворянской культуры. И такой она была во все времена — от 1816 года до революции 1917 года.

Многие, гостившие в этой подмосковной, отмечали животворность «спокойной и отрадной» жизни в ней, неповторимую атмосферу этой усадьбы.

Так, вдова Ф.И. Тютчева Эрнестина Федоровна писала своей падчерице в 1876 году: «Что до жизни в Муранове она спокойна и приятна. Здесь ни в чем не чувствуется усилий, всё здесь легко и обильно. Это жизнь русских семей 30-летней и более давности. Мне это весьма нравится. Иван (сын Ф.И. Тютчева и Э.Ф. Тютчевой. — Е.П.) <...> счастлив быть в деревне, быть занятым, быть среди своих и скрытым от чуждых вторжений. Я понимаю, что этот уголок земли обожаем...» Чуть позже она признается: «...его дом, оживленный двумя прелестными малышами, произвел на меня впечатление чего-то совершенно патриархального».



К. Барду.
Семейство Энгельгардтов. 1816. Пастель



План сельца Муранова

Купчая на усадьбу
 в селце Муранове
 1815 года
 19

Купчая на усадьбу Мураново

Патриархальный уклад жизни, умение ее обитателей хранить преданья «милой старины», опираться на память своего рода, почитание предков — вот характерные черты не только мурановской усадьбы.

Висящие на стенах многочисленные семейные портреты создавали эффект постоянного присутствия предшественников, — они казались реально присутствующими в жизни новых поколений. Таким образом зримо воплощалась непрерываемая связь поколений. Ушедшие продолжали жить не только в воспоминаниях, но и в семейных альбомах, переписке, реликвиях, памятных вещах, вышивках, гербариях. Несчетное количество примеров тому можно найти среди мурановских меморий. Портрет Е. Боратынского, написанный его дочерью; гербарии, собранные Эрнестиной Федоровной; любимая розовая чашка Ф.И. Тютчева — все это было живым напоминанием молодым о прошлом, о «милых тенях».

Как правило, жизнь в усадьбе отличалась естественностью, размеренностью — ее обитатели вставали с восходом солнца и ложились с его заходом, что, безусловно, способствовало нравственному, душевному здоровью. В усадьбе человек был ближе к природе, а через нее и к Богу. И поэтому она действительно была своего рода крепостью для своего хозяина, в ней легче заживали душевные раны, прояснялся ум, успокаивалось сердце. Любовно-дружеские отношения в семье создавали благоприятные условия для развития внутреннего человека, его духовного обогащения. Вот что пишет, например, Эрнестина Федоровна о своей невестке: «Эта женщина способна на всякого рода оттенки любви: она такая же превосходная дочь, как преданная мать и жена».

Сплоченная и единомысленная семья, объединенная общностью интересов и духовных запросов не была замкнута в себе самой. Весьма существенны были ее связи с известными деятелями культуры того времени.

Как и для Абрамцева, положение Муранова между Москвой и Троице-Сергиевой лаврой было весьма существенно. Оно занимало как бы промежуточное положение между светским и духовным центрами. Поездки в Лавру мурановцев были довольно часты. В то же время атмосфера общественно-политической, культурной (в частности, литературной) жизни столицы переносилась отчасти и в усадьбу, отзвуки ее ощущались в повседневных занятиях, обсуждениях газетных статей и книжных новинок. Здесь, вдали от городской суеты, на лоне прекрасной природы, в мирном течении спокойной, гармоничной жизни свободнее процветал дух, формировалось особое мироощущение и мирочувствование человека. Здесь отк-

рывалась возможность для неспешного, вдумчивого созерцания, философствования, творчества. Не случайно именно в усадьбе рождалась философская поэзия. Для всех его обитателей Мураново было «особым уголком» земли, всегда желанной и «милой страной».

Среди «мирных дубрав» и «домашних икон», в скромной доле возделывателя «отеческого поля» поэт надеялся обрести истинное счастье и внутренний покой.

Для всех его обитателей Мураново было особым «уголком земли», всегда желанной и «милой страной».

Как и Пушкин, замысливший в начале 1830-х годов «побег в обитель дальнюю трудов и чистых нег», он мечтал «перенести свои пенаты в деревню». Обустроивая в Муранове свой быт, поэт стремился сосредоточить здесь все основные составляющие земного счастья. Главными ценностями для него были поэзия, дружество и любовь. Они-то и должны были процвести в Муранове. Поэту рисовалась в значительной степени идиллическая картина жизни в «семейном гнезде». Еще в молодости он писал:

Нельзя ль найти любви надежной,
Нельзя ль найти подруги нежной,
С кем мог бы в счастливой глуши
Предаться неге безмятежной
И чистым радостям души.

Именно такую «счастливую глушь» нашел Боратынский в Муранове, а «нежную подругу» и «любовь надежную» обрел в лице своей супруги Анастасии Энгельгардт.

В стихотворении «Есть милая страна...», посвященном Муранову, поэт создает как бы пейзаж-портрет усадьбы — подвижную картину, переходящую в своего рода «пейзаж души»:

Я помню ясный, чистый пруд;
Под сению берез ветвистых,
Средь мирных вод его три острова цветут;
Светлея нивами меж рощ своих
волнистых,
За ним встает гора, пред ним в кустах
шумит
И брызжет мельница. Деревня, луг
широкой,
А там счастливый дом... туда душа летит,
Там не хладел бы я и в старости глубокой!
Там сердце томное, больное обрело
Ответ на все, что в нем горело,
И снова для любви, для дружбы расцвело
И счастье вновь уразумело.

Из Москвы, где Боратынский оказался в силу определенных, неблагоприятно сложившихся для него обстоятельств в почти



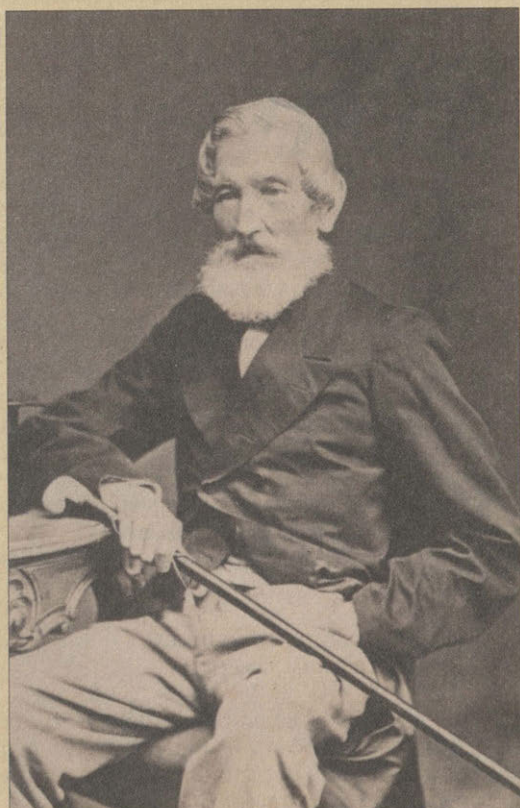
А.Л. Боратынская
Фотография с рис. Ж. Вивьена. 1826



С.Л. Пуляга
Фотография 1860-х гг.



Е.А. Боратынский
Фотография с рис. Ж. Вивьена. 1826



Н.В. Пуляга
Фотография 1860-х гг.

полной духовной изоляции, где он тяготится «сухой», недружелюбной светской атмосферой, поэт стремился в деревенскую тишину, под сень мурановских берез.

Когда «счастливый дом» тестя поэта Л.Н. Энгельгардта уже не вмещал растущего семейства, — у Боратынского было уже семеро детей, — поэт построил в Муранове собственный дом — как бы маленький замок-крепость в романтическом духе. (Примечательно, что фамилия поэта происходит от названия замка, построенного в Галиции его предками в XIV веке, «Боратынь», т.е. «Бог ратует».) Этот дом-крепость должен был служить надежным укрытием, убежищем от бурь и волнений света. В этом смысле Дом в усадьбе мыслился поэту своеобразным микро- и макрокосмосом, сама Усадьба являлась цветущим оазисом живого чувства среди недужного бытия человечества в гнетущем «железном веке». Патриархальные устои должны были защитить душу от раздвоенности, опустошенности, от мятеха страстей. Поэзия, которую более всего в мире любил Боратынский, требовала уединения и благодатной тишины; природа служила неиссякаемым источником вдохновения.

По мысли В. Соловьева, изучение природы направлено на постижение истины. Художник, наблюдая красоту в природе, приближается к познанию Истины, т.е. приближается к познанию Творца Красоты. И не обретает ли тем истинное высшее счастье? «Уразуменье счастья» в «обители трудов и чистых нег» — характерный мотив русской поэзии XIX столетия и позже — и прозы (Гончаров, Тургенев).

Свободное творчество на лоне природы и созидание реального домашнего быта тесно связаны для Боратынского. В августе 1842 года он пишет своему приятелю П. Плетневу: «Обстоятельства удерживают меня теперь в небольшой деревне, где я строю, сажу деревья, сею, не без удовольствия, не без любви к этим мирным занятиям и прекрасной окружающей меня природе».

В Муранове Боратынский занят сводом и посадкой леса, устройством лесопилки. Он сам рассчитывает выгоды от продажи бревен, наблюдает, какие доски производит его «пильная мельница». Подобно Евгению Онегину он облегчает положение своих крестьян тем, что

Ярем от барщины старинной
Оброком легким заменил...

Он использует вольнонаемных рабочих почти на всех работах и пишет, что у него «солнце в сердце», когда он думает о полном освобождении крестьян.

Боратынский проявляет самый живой интерес к садоводству и огородничеству. Но больше всего забот требует строительство нового дома. Любя архитектуру, Евгений Абрамович «имел в ней вкус, делал сам планы строениям и проводил их в исполнение под своим надзором».

С головой погрузившись в заботы по имению, находя, что хозяйственная деятельность увлекательна сама по себе, Боратынский видел конечный итог своих трудов в создании максимально благоприятных условий для поэтических занятий. «Моя энергичная деятельность, — писал он матери, — по сути дела не что иное, как следствие глубокой потребности в покое и тишине».

К сожалению, Мураново не успело в полной мере стать для поэта творческой лабораторией, рабочим кабинетом. Хотя за своим мурановским столом он, видимо, готовил к изданию последний поэтический сборник «Сумерки» (1842). Поэту не суждено было сомкнуть в Муранове «последним вечным сном» усталые вежды. Он умер вдали от этой «милой страны», в Неаполе.

Уютный, приспособленный для жизни большой семьи дом перешел к сестре жены поэта Софье Львовне. В начале 1850-х годов она и ее муж поселяются в Муранове. Начинается новая эпоха жизни усадьбы. Н.В. Путьята, впервые посетивший новый мурановский дом через год после смерти поэта вместе с его вдовой, отметил удобство и изысканный комфорт в расположении комнат. Он пишет: «Дом в Муранове прелесть, особенно внутреннее расположение. Оригинально и со вкусом». Все в нем дышит живым воспоминанием о покойном поэте: «Все носит свежие следы его работ, его дум, его предположений на будущее».

Сделавшись фактически хозяином имения, Путьята ничего не преобразовывал в нем по существу, он вносил лишь небольшие дополнения к замыслу Боратынского, довершая задуманное поэтом.

Как и мечтал Боратынский, в 1850-х — 1860-х годах Мураново превратилось в

Приют, от светских посещений
Надежной дверью запертой,
Но с благодарною душой
Открытый дружеству и девам

вдохновений.

Среди друзей Н.В. Путьяты было множество литераторов и известных деятелей своего времени. Многие из них побывали в гостеприимном мурановском доме, составив ему славу «литературного гнезда» Подмосковья.

Н.В. Путьята был непосредственно связан с



М.Н. Градовская. Миниатюра к 100-летию усадьбы Мураново



Портрет И.Ф. Тютчева
Фотография. 1868.



Портрет О.Н. Тютчевой
Фотография. 1868.

литературой. Он оставил интересные заметки о Пушкине, записку о казни декабристов, целый ряд историко-литературных статей и заметок. В 1866—1872 годах он был председателем Общества любителей российской словесности. Он опубликовал письма к нему Боратынского в «Русском архиве». Неудивительно, что литературные гости особенно часто бывали в Муранове именно при Путятах. Дарственные надписи на книгах, семейная переписка, рассказы и предания сохранили имена тех, кто приезжал в усадьбу в этот период. Это библиофил и библиограф С.Д. Полторацкий, поэтесса Е.П. Ростопчина, С.А. Соболевский, Аксаковы. В 1849 году, возвращаясь из Абрамцева в Москву, здесь побывал Гоголь. Он познакомил близких соседей: Н.В. Путяту и С.Т. Аксакова. С тех пор они постоянно обменивались письмами, газетами и журналами, обсуждали общественные события, давали друг другу житейские советы, часто виделись в своих подмосковных.

Еще с начала 1820-х годов Путята был знаком с Ф.И. Тютчевым, однако нет никаких документальных свидетельств о пребывании Федора Ивановича в Муранове.

Не оставляя литературных занятий, Путята в полной мере поддержал и тот хозяйственный энтузиазм, который охватил Боратынского в Муранове. К тому времени, когда его дочь вышла замуж за И.Ф. Тютчева, мурановская усадьба пребывала в самом благополучном состоянии: «партеры в цвету, персики поспевают, грибы и земляника в изобилии, плотина готова, оранжерея отстраивается, мостики и все прочее в порядке».

Именно в конце 1860-х—1870-х годов усадьба достигла, пожалуй, своего наивысшего расцвета. На территории ее было тогда множество хозяйственных построек: амбар, кучерские, большой каретный сарай, ледник, сторожка. В персиковой оранжерее выращивались душистые персики, существовали цветочные оранжереи, плодоносили две фруктовые; была даже ананасовая теплица. Северную часть парка занимал большой фруктовый сад, за ним простиралась плантация садовой клубники. В парке водилось множество белых грибов.

Как и для их предшественников, усадьба являлась для Путят желанным и отрадным местопребыванием с другим ощущением времени, нежели в городе. В сентябре 1869 года Софья Львовна пишет дочери, что в первые же минуты по возвращении в дорожное Мураново ощутила радость, что «вырвалась из скучной тревожной Москвы». «Мне все показалось так тихо, так светло, так уютно. <...> Как я хорошо спала нынче в тишине мурановской...»

О быте и занятиях мурановцев той поры пишет своему брату Эрн.Ф. Тютчева: «Я нахожусь уже три недели в том же доме среди лугов, заканчивающихся на горизонте лесом. Живут здесь очень тихо, впрочем, страстно интересуются войной... И потом читаются газеты. Обсуждаются депеши из армии, предаются и др. беседам, в центре которых маленькие дети. Всё крутится вокруг этих малышей, у которых поистине счастливое детство. Иван всё еще занят обязанностями мирового судьи, но ему настоятельно предлагают в уезде избраться предводителем дворянства». Далее речь идет о весьма скромном достатке семьи, что подтверждается и фразой Н.В. Путяты: «Мураново — это роскошь для нас при наших средствах».

Действительно, это небольшое имение не приносило существенных доходов. Анастасия и Софья Энгельгардт получили от отца имение из двух деревень и 80 ревизских душ (после раздела между сестрами Софья имела 71 душу). Позже (в 1852 году) их осталось 54 у Софьи Львовны. С 1 марта 1862 года Мураново переходит на оброк (крестьяне вносили с каждого душевого надела по 10 руб. в год).

Не имея возможности подробно остановиться на последней, перед революцией, эпохе бытия усадьбы, попробуем проникнуть в нее, листая семейную переписку. Заглянем также в дневники вдовы Тютчева Эрнестины Федоровны, жившей летом в Муранове рядом со своим сыном, и внучки поэта Екатерины Ивановны. В Муранове она родилась, тут прошло ее детство, здесь она пережила тяжелое горе (смерть отца), в мурановской домово́й церкви она венчалась в 1910 году.

Еще будучи женихом Ольги Николаевны, сын Тютчева, успевший всей душой полюбить Мураново, пишет из брянского имения Овстуг своей невесте: «...я просто тоскую о Вас и о Муранове. Мне ужасно хотелось бы удрать отсюда и снова возобновить свои поездки в уголок, воспетый Боратынским. Но, увы, эта счастливая минута не так уж скоро придет». (Характерно, что ностальгией по этому «уголку земли» оказывается охваченным человек, для которого оно не являлось родным гнездом.)

Позже, в 1888 году, мать Ивана Федоровича напишет о связи ее сына с Мурановом: «Это место стало его судьбой...»; и через год: Мураново — «почва, в которую он пустил такие глубокие корни».

С водворением семьи И.Ф. Тютчева на круглогодичное житье в подмосковной (с 1876 года) сюда переносится и воспитание четверых детей Ивана Федоровича. Их образованию, подбору учителей, гувернеров и гу-

вернанток придается огромное значение. Так, Эрнестина Федоровна сообщает в письме к брату: «В дом поступает гувернер, или наставник, для обоих мальчиков. Он имеет прекрасные рекомендации. <...> Он будет учить латыни, греческому, русскому и немецкому языку, истории. Для французского есть гувернантка-швейцарка, приставленная к девочкам, прелестная и умная особа». В письмах Эрнестины встречается также упоминание о прусской гувернантке и двух молодых немцах.

Дом Ивана Федоровича снова, как это было при Боратынском, напоминает «маленький университет», в котором «распорядок дня зависит от различных уроков детей». С семьей поэта тогда тоже жили «пять чужестранцев», учившие детей общеобразовательным предметам, европейским языкам, рисованию, музыке. (На втором этаже мурановского дома Евгений Абрамович устроил даже специальную комнату для детских занятий, получившую прозвание «Тужиловка».) Стремление дать детям самое полное домашнее образование было присуще всем владельцам усадьбы.

Забываясь о просвещении народа, И.Ф. Тютчев построил в Муранове школу для крестьянских детей, которую принял на собственное содержание. Он сам вел в школе некоторые уроки и присутствовал на экзаменах. Закон Божий преподавал священник, служивший в домово́й церкви. Когда подросли дети Ивана Федоровича, они тоже участвовали в делах этой школы. Екатерина Ив. Тютчева, например, занималась с мальчиками французским языком.

Связь обитателей Муранова с жизнью деревни проявлялась в том, что они участвовали в народных праздниках, крестили мурановских детей, лечили их. В 1905 году, по воспоминаниям Е.И. Тютчевой, ее братья прибежали на случившийся в деревне пожар раньше местных жителей, которые крепко спали, и отстояли несколько крестьянских изб: «Вчера и сегодня занимались снаряжением погорельцев. Целый склад устроили и сегодня к вечеру одели 3 семьи», — пишет Екатерина Ивановна в своем дневнике.

Для жизни в Муранове начала XX века характерно, что усадебные досуги его обитателей тесно переплетались с их литературными занятиями. Часто упоминаются чтения произведений известных авторов, например, Гоголя. Именно в Муранове вдова поэта Эрнестина Федоровна готовит к изданию первое посмертное собрание сочинений своего мужа. Летом 1903 года Екатерина Ивановна занимается переводом дедушкиных <Ф.И. Тютчева> писем: «Интересно, увлекательно и трудно!» — пишет она. В

1906 году Екатерина Ивановна делает запись о том, что они с писательницей А. Коваленской читали друг другу свои рассказы, причем последняя очень одобрила ее сочинения и нашла, что у внучки поэта есть все данные быть «настоящей писательницей».

Молодежь часто пишет стихи, соревнуются в этом занятии. Под руководством молодого русского гувернера с университетским образованием выпускается сборник «Мурановский наблюдатель» (к сожалению, до нас не дошедший).

«Как хорошо в Муранове, как весело!» — восклицает семнадцатилетняя Екатерина Ивановна. «Вчера <...> ездили к Мамонтовым <в Абрамцево>. Мы катались на лодке. Играла в теннис, вообще было весело, но вернулась я в Мураново с большим удовольствием. Красиво Абрамцево, а все же родина лучше!»

В праздники в Муранове иллюминировали парк, украшали разноцветными фонариками кегельбан, где играли до позднего вечера.

Владельцы имения большое внимание уделяли саду, цветам. Вспомним, что прообраз сада — Эдем. Сад — как бы зримая связь между миром чувственным и духовным. Дубы, посаженные Боратынским в Муранове, простираются своими вершинами к самому небу. В разведении садов и цветников безусловно сказывается дух творчества. В этом занятии есть своя философия; выстраивается определенная картина мира, рисующаяся устройству сада, парка.

Разбивая цветники и клумбы на территории усадьбы, С.Л. Путята тщательно заботилась об ассортименте цветущих растений и своевременной их высадке в строго определенных местах. Цветущий вид усадьбы сохраняла до последних лет своего существования. Дневники Е.И. Тютчевой изобилуют описаниями усадьбы в весеннем благоухании и летней яркости красок: «Сирень в цвету. Скоро расцветет жасмин!», «Наслаждаюсь теплом и розами, которые этим летом цветут в большом количестве, — есть розовые, белые, красные и даже немного желтых», «Мальвы чудные, пышные и кудрявые, прекрасный бордюр из настурций <...> много резеды и левкоев...» Наслаждение дарят в усадьбе цветущие розы, и скошенный луг, и тепло уютных комнат, ясная осенняя пора.

Как правило, в «дворянских гнездах» органическим элементом усадьбы является церковь — пример синтеза архитектуры и природы. Она же — признак национально-исторического начала в укладе жизни помещичьего дворянства.

Чрезвычайно существенным началом мурановской жизни с 1878 года становится

домовая церковь Спаса Нерукотворного, построенная Иваном Тютчевым по желанию С.Л. Путяты. Все важные события жизни мурановцев были освящены церковью; разумеется, освящались все усадебные постройки. Особые службы происходили в Муранове в царские дни и именинные дни хозяев усадьбы. Тогда приезжали сюда митрополиты из Москвы и Лавры. Ежегодно служились панихиды по Федору Ивановичу Тютчеву. Семья Тютчевых и дворовые люди заказывали для церкви иконы. Дарились предметы облачения; Эрнестина Федоровна вышивала воздухи. На литургии и во время молебнов звучал хор крестьянских мальчиков, учеников школы Ивана Федоровича. Для них устраивались потом чаепития с раздачей гостинцев.

1 июня 1910 года в этой церкви венчалась со своим мужем В.Е. Пигаревым Е.И. Тютчева. Во время торжественной церемонии она радовалась тому, что «самое великое событие» в ее жизни произошло в Муранове, в их «милой церкви», которую она так любила, «с которой сроднилась за столько-столько лет», вблизи могилы «дорогого, незабвенного» отца.

Даже бегло рассмотрев жизнь мурановской усадьбы от времен Боратынского до последних предреволюционных лет, возможно сделать вывод о том, что здесь, по справедливому наблюдению Л.В. Ивановой, как и в других усадьбах, «синтезировались традиции семьи и рода, культура дворянская и крестьянская, культура города и провинции, России и Запада».

В заключении хотелось бы вспомнить записи из старых тетрадей известного искусствоведа и критика, доктора филологии Сер-

гея Николаевича Дурьлина (книга «В своем углу», 1992), в которых он описывает посещение Муранова в апреле 1926 года. В его тонкой лирико-психологической прозе содержатся удивительные прозрения о судьбах русской культуры и людей, вышедших из дворянских усадебных гнезд.

«В мурановской оранжерее цветут персики и абрикосы». Одно дерево с тонким стволом и раскидистыми ветвями, все в весеннем цвету, напоминает Сергею Николаевичу родословное дерево, нарисованное опытным геральдистом. Абрикосовому дереву без коры уже 100 лет, ствол его обмазывается глиной. «Сто лет! Значит, абрикос этот, еще со свежей корой на стволе, цвел при Боратынском, цвел в пушкинский период русской литературы. В золотом ее веке... цвел при Энгельгардтах, во времена Александра I и Жуковского. <...> О, какая правда, что эти абрикосы и персики <...> похожи на родословное дерево. Нужно было любить, хранить и давать спокойно в прочной почве расти своему родовому дереву, чтобы спокойно и нежно могли расти деревья с розовыми цветами и запахом. <...> Так выращиваются цветы культуры — создаются храмы, собираются библиотеки, наполняются картины, галереи, охраняются парки и цветники. Все гибнет, если «дерево родословия» уже ни в ком не возбуждает любви к себе».

Хочется надеяться, что мурановская родословная еще долго будет возбуждать любовь молодых поколений, навеивая воспоминания о розовых лепестках цветущих персиков, о некогда столь живом и разнообразном, столь возвышенно-прекрасном усадебном мире.



Семья Тютчевых-младших и их гости на острове Мурановского пруда. 1890-е гг.